

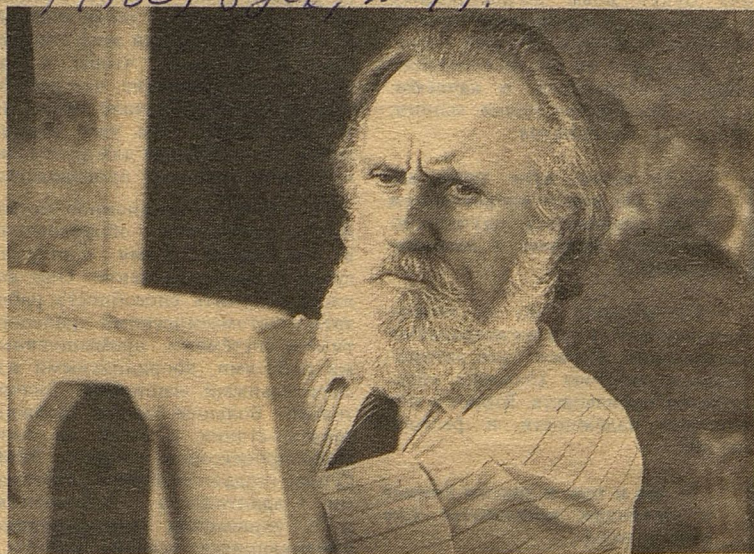
Вот мое счастье

Моск. новости, 1985, 8 сс, № 49.

На Всесоюзной выставке в Москве, посвященной 40-летию Победы советского народа над фашизмом, экспонировалась картина 56-летнего художника Леонида Птицына «Автопортрет». А в такой же юбилейной экспозиции в Ленинграде была представлена другая вещь Птицына, «Фронтowej полустанок» — бесхитростный эпизод из времен войны. Женщина с сигнальными флажками стрелочницы вместе с мальчиком собирают на железнодорожном полотне солдатские письма, сложенные треугольниками. Эти письма сброшены на ходу из мчащегося к фронту состава, где почтовых ящиков не предусмотрено.

Работы Птицына экспонировались, помимо Москвы и Ленинграда, в других городах страны. Его произведения есть в картинных галереях и частных коллекциях Нидерландов и Японии. На первый взгляд в этом нет ничего особенного: сотни художников принимают участие в крупнейших вернисажах, и работы советских живописцев, представленные в зарубежных коллекциях, отнюдь не редкость. Но дело в том, что у художника Леонида Птицына... нет обеих рук.

Птицын — уроженец небольшой деревни Кудеверь, что неподалеку от старинного русского города Пскова. С малых лет прилежался он к рисованию и за то, что никогда

Леонид Птицын.

в ребячьих походах не расставался с рисовальными принадлежностями, получил среди сверстников кличку «Мазила». Леонид не обижался, он много рисовал, мечтал стать «настоящим художником». Мечту оборвала война. Леонид, как и многие подростки того времени, стал проситься на фронт. Ему ответили: «Если хочешь помогать

делу победы — ступай на выучку к Терентьевичу! А на фронт рано — тебе едва пятнадцать!» Терентьевича знали в Кудевери все. Это был искалеченный на фронте сапер. Он помогал солдатам разминировать снаряды, оставленные фашистами. Леонид оказался смывленным и старательным учеником бывшего сапера: обезвредил 70 мин и фугасов.

Фото Юрия ЩЕННИКОВА.

Семьдесят первая оказалась роковой. В пятнадцать лет Леонид Птицын стал инвалидом. Взрывом ему оторвало обе руки почти до локтя. А ведь он мечтал стать художником. И Леонид заново стал учиться рисовать, сначала карандашом, потом кистью. После нескольких попыток все же поступил в Ленинградское художественное училище. Окончив его, пошел учиться дальше, в Ленинградскую академию художеств (сейчас — Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина). Занимался в мастерской народного художника СССР, академика Юрия Непринцева.

— Упорно, настойчиво учился, — вспоминает своего ученика Юрий Михайлович. — Удивительно собранный, целостный характер. Это сказывается и в его работах. Особенно удачны полотна Птицына на антивоенную тему.

— Ты счастлив? — спросил я как-то Леонида.

— Вот мое счастье, — кивнул он на мольберт. Там стояла незаконченная картина.

— Костя! — узнал я двадцатилетнего сына Птицына, недавнего выпускника Ленинградской художественной школы.

Леонид улыбнулся, подтверждая мои слова. Да, счастье художника — в этом мольберте, в этом парне, легко шагающем степью под мирным и светлым небом...

Когда я попрощался, Леонид подошел к мольберту, уверенно, привычно взял кисть, чтобы продолжить свою работу.

Виталий НЕСТЕРЕНКО.